

Наталья Нестерова

Девушка
с приветом

Она непременно должна
узнать тайну любимого человека.
И ведь узнает, на свою голову!

Наталья Нестерова
Девушка с приветом
Серия «Разговор по душам»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127003
Девушка с приветом: АСТ; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-983046-7

Аннотация

Гордое имя «Девушка с приветом» Юлия Носова заслужила у соседей, когда бегала вокруг дома за пуделем Приветиком. Но жизнь ничего не делает просто так. Все у Юли не как у людей. Красотка, каких поискать, а работает в заштатном травмпункте, много лет тайком встречается с мужчиной, которого терпеть не могут ее подруги и тетя, единственный родной человек. Но может быть, в чем-то они правы? И однажды, выгуливая Приветика, Юлия буквально влетает прямо в объятия красивого незнакомца. Серж идеален – надежный и умный, сильный и заботливый, небедный, а по Юлиным меркам, так просто богатый. Правда, есть в нем одна странность. Другая женщина закрыла бы на нее глаза, но только не Юлия. Она непременно должна узнать тайну любимого человека. И ведь узнала, на свою голову!

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

66

Наталья Нестерова

Девушка с приветом

Умные люди учатся на чужих ошибках, я повторяю собственные. Поддалась уговорам Бабановых, на время их отпуска взяла годовалого пуделя Приветика. Конечно, дело хозяев кличку щенку выбирать. Разве Бабановым могло прийти в голову, что их карликовый пуделек возомнит себя гончим псом, что он станет удирать во время прогулок, а я носиться за ним в леске у Кольцевой дороги и вопить:

– Приветик! Привет!

Из кустов будут вылезать бомжеобразные личности и тянуться ко мне:

– Здорово!

И у местных собачников я приобрету гордое имя Девушка С Приветом.

Ведь у меня уже был опыт с предыдущей собакой семьи Бабановых – эрделем Баклажаном, сокращенно – Баком. Обиду на хозяев-отпускников Бак вымещал на моем ковре. На прогулках нюхал цветочки и проверял содержимое мусорных баков. А то, что от него требовалось, совершал исключительно в центре комнаты. Ирина уверяла, что Бак питал ко мне горячую собачью любовь.

Действительно, ему нравилось после обеда вытирать бороду о мою юбку.

– Гуляем на поводке, – предупредила я собачку. – Без фокусов. Сорок минут – и ни секунды больше.

Приветик сделал вид, что согласился, и радостно завилял хвостом.

Едва мы вышли из подъезда, он повел себя как выпускник цирковой школы: встал на задние лапки, передние трогательно поджал, мордочку наклонил в сторону и тихо заскулил: отпусти, мол, буду вести себя хорошо. Я ему поверила.

Привет носился между деревьев и по полянке, призывал других собак поиграть, но сытые городские псы быстро уставали, ложились на землю и тяжело дышали, высунув из пасти языки. Приветик мчался дальше в поисках новых друзей. Я трусила за ним.

Между Ореховым бульваром, на котором я живу, и Окружной автомобильной дорогой находится пострадавший от близости новостроек лесок. Он представляет собой овраг, на дне которого течет речка, на карте обозначенная как Городня, а местными мальчишками прозванная Речка-Вонючка. Второе имя, пожалуй, более точное.

Во время очередных кульбитов в воздухе Приветик неудачно приземлился на склон и кубарем покатился в речку. Я бросилась за ним: чего доброго, свалится в воду и захлебнется.

– Приветик! Приветик! – кричала я, набирая скорость на спуске.

По берегу шел мужчина в джинсах и ветровке. Услышав мои возгласы, он недоуменно остановился, развернулся, на секунду замешкался, а потом обреченно развел руки для приветственного объятия – решил, что я к нему лечу, руками размахиваю, чтобы на шею броситься.

Так и получилось – я споткнулась и лбом врезалась ему в грудь. Еще не успев освободиться от чужих рук – горазды все-таки наши мужики с кем попало обниматься, – из-за плеча «знакомого» я увидела, что Приветик благополучно выбрался на противоположный берег и стал отряхиваться. А в следующую секунду я снова завопила: на нас мчался со свирепым лаем огромный черный чемодан – ризеншнауцер. Я выскользнула из объятий, быстро развернула мужчину спиной к себе и спряталась за ним. Инстинкт самосохранения напрочь отшиб чувство человеколюбия, и, чтобы «знакомый» не удрал, я так крепко вцепилась в его куртку, что застежка-молния на груди вот-вот могла разъехаться. И все это время я истошно визжала от страха.

Не знаю, как у других женщин, но у меня во время истерического визга способность трезво мыслить не пропадает. Однажды, увидев мышь на своей кухне, я с криком вскочила на стул и, пока верещала, успела подумать, что мордочка у мышонка в общем-то симпатичная, а у стула, на который я запрыгнула, подгибается ножка. Сейчас, надрывая голосо-

вые связки, я прикидывала, успею ли броситься за помощью, пока пес будет грызть этого несчастного.

– Молчите окончательно, пожалуйста! – велел мужчина, слегка повернув лицо ко мне.

Я не успела подумать о странности формулировки приказа, как он снова скомандовал:

– Рэй! А лугар! Съентате!¹

Или что-то в этом роде, то есть не по-русски. Ризеншна-уцер затормозил и сел. Он продолжал рычать и показывал мне зубы, приподняв верхнюю губу. Батюшки! Что это были за зубы! Они бы с легкостью, одним клацаньем, разможили не только лучевую, но и большую берцовую кость. Набрасываться на живой щит пес не собирался.

– Это моя собака, – заявил щит, – она вас не тронет. Спокойно! Свои! Спокойно! – велел он черному чудовищу. – Вы бы не могли отпустить меня немного? Потому что Рэй предполагает некоторую опасность для меня.

– Он предполагает? – пробормотала я, с неохотой выпуская из рук ткань куртки. – Больше он ничего не предполагает? Он сегодня завтракал?

– Конечно. Вы были бы очень любезны стать со мной рядом, чтобы он не нервничал.

– Ни за что, – сказала я, рассматривая из-за спины собачьи клыки. – Возьмите его на поводок, наденьте намордник и свяжите ноги. Двигайтесь!

¹ Место! Сидеть! (исп.)

– Ноги я связывать ему не могу, – ответил мужчина.

Прибежал Приветик и стал весело размахивать хвостом, кружиться вокруг ризеншнауцера, предлагая ему поиграть. Черная псина не обращала на пуделя внимания, только плялилась на меня и грозно рычала.

– Приветик, Приветик, иди сюда, дорогой, – громко зашептала я.

Волкодав мог проглотить пуделька не поперхнувшись.

– Но я уже здесь. – Мужчина сделал попытку развернуться. – Мы с вами были знакомы прежде?

– Нет, черт подери, – шипела я. – Не вертитесь! Приветиком зовут мою собаку. Усмирите, наконец, своего монстра!

– Рэй – очень умная и верная собака, – сказал обиженно мужчина, шагнул к своему псу и взял его за ошейник.

Я подхватила Приветика на руки. Хотела было посоветовать владельцу Рэя выгуливать собаку в клетке на колесиках, но, вспомнив, что еще минуту назад бросилась на шею этому человеку, а потом подвергала его жизнь риску, только возмущенно пожала плечами, фыркнула и пошла прочь.

– Больше не допросишься, – твердила я Приветику, – не спущу с поводка, даже если заговоришь человеческим голосом.

Пес радостно колотил грязным хвостом по моей куртке, норовил подпрыгнуть и лизнуть мой нос.

Конечно, я опоздала. Тетя Капитолина стояла у входной двери. Ключ от моей квартиры лежал у нее в сумке, я тыся-

чу раз призывала тетушку пользоваться им. Бесполезно. Запасной ключ, как и любые другие предметы, имел у тетушки четкую инструкцию применения. Во-первых, им можно воспользоваться (после продолжительной нотации), если я потеряю свой ключ. Во-вторых, если я буду лежать дома в бессознательном состоянии (но предварительно должна позвонить и сообщить об этом). В-третьих, запрет снимается при явлениях катастрофического характера – дыма или воды из-под двери квартиры. Во всех остальных случаях открыть замок своим ключом – значит вторгаться в мою личную жизнь. Иное дело – воскресные инспекционные проверки, на которые она тащила ко мне в любую погоду через весь город. Они под определение вторжения в личную жизнь не подпадали.

Кроме племянницы, то есть меня, у тети Капы не было близких родственников в Москве. Ее сын Женя вместе с женой Леной и внуком Артемом десять лет назад уехали в Америку. В аэропорту, когда мы их провожали, Лена отвела меня подальше, кивнула в сторону свекрови и торопливо зашептала:

– Скажи ей, чтобы и не вздумала нас навещать в ближайшие пять лет! Если решит перебраться к нам, я увезу свою семью в Антарктиду! Господи, неужели мы от нее избавились?

Я согласно кивнула. Лену можно понять.

Тетя Капа своими нравоучениями святого доведет до бе-

шенства.

Тетя Капа – добрейший человек. Но доброта ее до крайности конструктивна: желая улучшить жизнь людей, тетушка их постоянно учит и наставляет. У нее сформировались правила поведения по каждому акту человеческого бытия. Я бы не удивилась, услышав от нее рекомендации о том, как правильно открывать глаза утром и закрывать на ночь.

Чтобы полюбить мою тетушку, нужно основательно хлебнуть горя. Тогда она примчится, осушит в два приема болото, в котором ты захлебнулся, сделает тебе искусственное дыхание, промывание желудка, а заодно и мозгов.

– Это бабановская собачка, – начала я говорить, еще поднимаясь по лестнице. – Она грязная, потому что провалилась в речку, я ее сейчас вымою, меня попросили только на две недели подержать ее, блох у нее нет, очень приветливая, даже имя соответствующее.

Я тараторила, чтобы не дать возможности тетушке начать отчитывать меня с первых же минут. Но, как всегда, просчиталась.

– Здравствуй, Юлия! Почему ты не поздоровалась? Это невежливо. Я родной человек, но подобная небрежность может произвести плохое впечатление на других.

– Ой, извини, тетя, здравствуй! Я тебя не целую, потому что выпачкалась вся.

– Ты уверена, что собака не подхватила инфекцию в речке? Ее необходимо обработать антисептиком.

Тетушкина чистоплотность граничила с патологией. Влажную уборку в своей квартире она делала ежедневно, кухня у нее походила на операционную, а кафель в ванной сверкал так, что можно было обходиться без зеркала.

Пока я купала Приветика, тетя Капа обошла мою квартиру.

– У тебя был Анатолий, – заключила она. Диван сложен, постель убрана, мусорный пакет с окурками и пустой бутылкой от шампанского я выбросила, коробку от шоколадных конфет тоже – как тетушка догадалась?

– Ты просто воплощенная мисс Марпл, – усмехнулась я. – С чего ты взяла?

– Я совершенно нормальная, а не воплощенная. Все мужчины пахнут.

– Да? – поразилась я. – Все одинаково? Ты помнишь мужской запах? Тетя Капочка, тебе скоро семьдесят, воспоминания о мужских благовониях будят в тебе бывшие страсти?

Моя тетушка напрочь лишена чувства юмора. Может быть, когда-то оно у нее и было, я того периода не застала. Тонкая ирония была ей не доступна, а если она видела в кино, что человек садится мимо стула или кому-то в лицо летит торт, то думала о возможном переломе копчика или возмущалась безобразным отношением к труду кондитера. Легкая насмешка была лучшим оружием против нападок тетушки: она терялась из-за неспособности взять в толк, над чем насмеются, и сбивалась с колеи праведных сентенций.

– Перестань говорить глупости, – сказала тетушка. – Все мужчины пахнут одинако во – одеколоном и тамбуром элек-
тричек. Значит, твои отношения с Анатолием продолжают-
ся?

– Ага. Что ты мне принесла? – Я принялась копаться в ее сумке. – О, мидии! Обожаю. Сейчас мы с тобой перекусим.

– Не знаю, почему тебе нравятся морские гады. Но ты, надеюсь, завтракала? Ела кашу? На голодный желудок это... Как ты открываешь банку? Надо сначала...

– Постелить на стол полотенце, – прервала я ее и стала перечислять, – вымыть консервы под краном, высушить. На полотенце положить разделочную доску, сверху банку, достать консервный нож... Тетя, я это слышала миллион раз. Видишь, здесь специальная петелька? Одно движение руки – и готово, открыла.

– Не смей лезть пальцами в банку! Положи на тарелку.

Мои плохие манеры не надолго отвлекли тетушку от волнующего вопроса.

– Объясни мне, почему ты с ним не расстанешься? Я хочу знать.

– Я сама хочу.

– Чего хочешь?

– Хочу знать, чего я хочу.

– Ничего не понимаю.

– Вот и я о том. Ничего не понимаю. Но как только пойму, сразу сообщу тебе. А может, женить его на себе, тетя

Кап? Только у него уже есть жена. Ее, конечно, можно убить. Отравить, например. Я в одном детективе вычитала потрясающий способ. Варится грибной суп, подается на стол. Жертве незаметно подсыпается порошок из бледных поганок. И все шито-крыто. Тетя, собери мне летом бледных поганок, ладно?

– Что ты такое говоришь, Юля? – Тетушка ошеломленно уставилась на меня. – А дети?

– Детей тоже отравим, чтобы алиментов не требовали.

– Ты шутишь, – наконец догадалась тетя, – подобные шутки вульгарны. Хорошо, ты не хочешь говорить о своей личной жизни. Я не буду вмешиваться, но хочу, чтобы ты знала мое мнение. Анатолий – бабник, то есть человек лживый и двуличный.

– Почему сразу «лживый»? – огрызнулась я.

Это была ошибка. Если слова моей тети подвергнуть сомнению, то в ответ получишь развернутую аргументацию для бестолковых.

Тетушка разразилась монологом: мужчина, который обманывает одну женщину, обманет и вторую, и триста двадцать третью, ему ничего не стоит залезть в карман товарищу, ограбить банк, забрать игрушку у ребенка или стать политическим деятелем.

Из заурядного адюльтерщика тетя Капа вывела фигуру мирового злодея. В качестве его по собника я выглядела не краше. Тетушка добилась-таки своего: у меня пропало же-

ление ее дразнить.

Почему я не расстаюсь с Анатолием? По той же причине, по которой тысячи женщин живут с нелюбимыми мужьями – значит, им это почему-то нужно. Почему – может ответить психотерапевт. После душевных бесед объяснит, что ваши комплексы и комплексы вашего избранника монтируются, складываются, как фигуры детского конструктора. В итоге получается уродливое сооружение, но вам оно милее, чем детали россыпью в коробке на пыльных антресолях.

За консультацией к психотерапевту я не обращалась – не хочется получить диагноз нимфоманки. А вы попробуйте послать к чертовой бабушке человека, который с восхищением смотрит на вас бархатными темно-зелеными глазами, чувственная улыбка дрожит на тяжелом мужественном подбородке, а низкий завораживающий голос шепчет:

– Я постоянно ищу твои черты у других женщин. Иногда кажется, что встречаю тебя на улице, бросаюсь вслед, но это не ты. Я люблю придумывать тебе ласковые имена. Ты – мой светлый хрустальный ветерок, мой легкий многоцветный одуванчик, моя нежная перламутровая змейка. Я ищу слова для твоих губ, рук, шеи. Руки твои я буду сегодня звать лебедушками, а губы – медовыми лепестками.

Попробуйте выставить за порог человека, который заявляет, что время для него делится не на день и ночь, недели и месяцы, а на свидания и разлуки с вами. Каждое мгновение встречи запечатлевается в его памяти, он наслаждается, ды-

шит им, как дышит чахоточный кислородом из баллона.

Баллона обычно хватает на неделю-две.

Потом Толик снова появляется и снова бинтует мое сознание липким пластырем нежных слов и комплиментов. Того количества любовных признаний, которое я получила от него за пять лет, хватило бы дивизии старых дев на долгие вечера воспоминаний.

У Анатолия – дар объясняться в любви, природная способность; она, может быть, единственный его талант. И он оттачивает на мне свое мастерство. И в то же время я безоговорочно верю Толику, когда он говорит, что я его вдохновляю, заряжаю энергией и зову в полет его творческую фантазию.

Из моих дверей Толик выпархивает свежий и бодрый. Прямо в лоно родной семьи. Готовый терпеть занудство жены, воспитывать неблагодарных детей и создавать живописные шедевры на спичечных этикетках и почтовых конвертах.

* * *

Тетя Капа, удовлетворенная моим хмурым видом, решила закрепить успех. Она переиначила известную фразу и нанесла сокрушительный выпад:

– Он меняет женщин как презервативы!

Я уставилась на нее и ошарашенно хмыкнула:

– А меня в вульгарности обвиняешь.

– Повторяю: я не собираюсь вмешиваться в твою личную жизнь, – заявила тетушка после того, как полчаса полоскала в щелочи моего любовника. – Я намерена поговорить о твоей работе, о том, что тебе пора задуматься о своей карьере.

Час от часу не легче. На этом фланге мне вообще нечего выдвинуть в свою защиту. И шуточки не помогут.

После института я пришла работать в травмпункт. Мама тяжело болела, умирала от рака. Мы с тетушкой по очереди дежурили у нее, поэтому режим работы в травмпункте меня устраивал. Да и работником я тогда была неважным – беспомощность и горечь предстоящей утраты раздавили мое сознание. Я жила механически, как заводная кукла. Сил душевных хватало лишь на то, чтобы скрывать мрак и отчаяние, которые удавкой стягивали горло. Мама умерла, еще полгода я приходила в себя, пыталась свыкнуться с потерей. Потом появился Анатолий, и мы, как в батискафе, отгородившись от всего мира, опустились на морское дно нашего замечательного романа. Так я застряла в травмпункте на пять лет.

Всего у нас работало шесть хирургов. Для троих это была халтура, они оперировали в нормальных клиниках, а в травмпункте зарабатывали «прибавку к жалованью». Ольга Козлова хронически беременела: то рожала, то переживала выкидыши – для нее самым удобным местом службы и был травмпункт.

Петя Карачинцев давно и основательно спивался, и нику-

да, кроме нашей богадельни, его бы не взяли. Я не была отягощена семьей, не страдала от пьянства и других пороков, но прозябала в травмпункте, где никакого профессионального роста быть не могло. Переломы да вывихи с утра до вечера. Если случай сложный – направление в больницу, а мы знай отмечаем потом больничные листы.

Но я постоянно пропадала на работе – то у Оли угрозы выкидыша, то Петя запил, то у коллег срочная операция и их надо подменить. Каждая неделя была у меня крепко сбита своими и чужими дежурствами, а к выходным обнаруживалось, что на следующей неделе меня ждет та же картина. Мои переработки не выдерживал никакой табель, брать деньги за отработанное время было неловко, а если бы я когда-нибудь вздумала взять отгулы, то отдыхала бы полгода.

– Я разговаривала с Моней Якубовским, – заявила тетушка. – Это он для меня Моня, я его помню зеленым ординатором. А для всех он Соломон Моисеевич, видный хирург-гастроэнтеролог. В новой больнице на Юго-Западе открывают отделение эндоскопии. Ты знаешь, что это такое? Знаешь, – кивнула тетушка и тут же принялась пояснять: – Полостные операции по удалению желчного пузыря или аденомы простаты заменяют небольшими разрезами, в которые вводят специальные зонды с разными насадками. За ходом операции следят по экрану компьютера. Резко сокращается травматичность, небольшой послеоперационный период, мало осложнений...

Пока тетя Капа объясняла мне очевидные вещи, я думала о том, что она второй раз в жизни ради меня жертвует своими принципами и использует личные связи.

В первый раз это случилось, когда я получила тройку за сочинение по русской литературе на вступительных экзаменах в медицинский институт и недобрала, таким образом, одного балла. Разгневанная тетя Капа ворвалась в кабинет ректора и принялась его отчитывать:

– Вы почему девочку провалили из-за запятых в стихах Маяковского? Что Маяковский смыслит в медицине? Юля с малых лет ухаживает за матерью-инвалидом. Она играла всю жизнь только в больницу. Вы знаете, что она в детстве по помойкам шлялась? Не знаете, так я вам скажу! Она искала сломанные куклы и другие игрушки, чтобы их лечить. Она всем старухам в их коммуналке уколы делает, она...

– Капитолина Степановна, – попытался встрять ректор, который прекрасно знал мою тетушку. – Кто такая эта Юля?

– Моя племянница! Кто же еще? Если вы думаете, что я использую свое, то есть ваше, то есть наше с вами, служебное положение, то ошибаетесь.

– Почему же вы раньше не сказали, что ваша племянница поступает в этом году? – упрекнул ректор.

– А почему вы идиотов учите, которые скальпель от ножниц отличить не умеют? – парировала тетя Капа.

Она работала хирургической сестрой в клинике при медицинском институте, и ее побаивались даже врачи, не говоря уже о мо-

лоденьких сестрах, которых тетя Капа муштровала как ефрейтор солдат.

– У девочки пальцы замечательные, – продолжала аттестовать меня тетушка, – легкие, точные, и сила в руках есть. Это вам не биндюжники, которые приходят на операцию с похмелья и в перчатки попасть не могут. Конечно, Юля выглядит как проститутка...

– Как кто? – оторопел ректор.

– Проститутка, – подтвердила тетя Капа. – Юбка короткая, волосы распущенные – срамota. И еще красотка, каких свет не видывал. Волосы белые, глаза синие, брови черные, ресницы как наклеенные. А что нам делать, если отец у нее был кавказской принадлежности? Но она еще ни с кем не целовалась – это я точно знаю. Да и когда ей, спрашиваю я вас?

– Не знаю, – честно признался ректор.

– А я знаю! Она с восьмого класса все каникулы санитаркой в больнице работает. Это вам не запятые в стихах расставлять.

– Капитолина Степановна, как фамилия вашей племянницы?

– Такая же, как у меня, – Носова. Я несправедливости по отношению к этому ребенку и ко всей медицине не потерплю! Я пойду к министру! Пусть он сам попробует сочинение без ошибок написать!

– Не надо ходить к министру, – сказал ректор, и меня приняли.

* * *

Вот теперь тетя Капа составила мне протекцию в перспективное хирургическое отделение большой больницы. И рисковала больше, чем когда устраивала племянницу с сомнительной внешностью в институт.

Все мои однокашники уже либо выбились в специалисты, либо продемонстрировали серость и бездарность. Объективно я попадала во вторую категорию.

* * *

Заведующего отделением, к которому я по рекомендации Мони Якубовского должна была явиться, звали Сергей Данилович Октябрьский. Невысокого роста, коренастый, широколицый и курносый, он походил на селянина-комбайнера, тракториста – труженика полей. Но никак не на рафинированного столичного хирурга.

Я пришла в назначенное время и прождала Октябрьского почти два часа. Нет, он не отсутствовал, просто занимался своими делами, а мне небрежно велел посидеть в холле.

Мимо меня сновали медсестры, ходили врачи, шаркали тапочками по линолеуму больные. А я сидела. Как назло, не догадалась взять книгу или газету. Оставленную кем-то

программу телевизионных передач прошлой недели изучила вдоль и поперек.

За время унижительного ожидания я пережила смену эмоциональных состояний сродни физическим изменениям у снежка, брошенного на сковородку. Сначала зябла и дрожала перед собеседованием. Потом растопилась от жалости к себе: жизнь представлялась неудавшейся по всем статьям. Я люблю детей, но их у меня нет. Мне нравится моя профессия, но чувствую себя краснодеревщиком, который застрял в мастерской по производству кухонных табуреток. У меня нет семьи, мне не о ком заботиться, и даже собаки в моем доме – чужие и временные.

Если бы Октябрьский в момент этих внутренних стенаний пригласил меня в кабинет, то я бы, наверное, разрыдалась перед ним и стала слезно умолять дать шанс исправить загубленную жизнь.

У меня есть верный способ прекратить припадки самобичевания и сетований о горькой доле – воспоминания о маме. По сравнению с тем, что ей довелось пережить, любые несчастья кажутся детскими огорчениями. А моя тетушка? Ей тоже жизнь отпустила немало ударов, но синяков на ней никогда не было. В нашем роду женщины отличаются завидной волей и мужеством.

Неужели кровь мифического отца разбавила доставшуюся мне по наследству стойкость и силу воли? Дудки!

Я разозлилась. Кажется, даже покраснела от негодования,

только не шипела, закипая. Октябрьский отправился пить чай с тортом – у одной из медсестер был день рождения, она дважды заглядывала к нему в кабинет, я слышала уговоры.

Хам! Он мог заставить меня ждать, когда уходил на обход, потом на консилиум, он мог даже принять еще пятерых посетителей – ладно, возможно, их проблемы поважнее моих. Но чай распивать, зная, что я второй час томлюсь в ожидании и сижу глупой куклой на виду у всех! А как он поглядывал на меня, проходя мимо? Как на созревающую кандидатку в любовницы – еще немного помучаю ее холодностью, и она бросится мне на шею. Не дожدهшься, козел усатый!

Я решила досчитать до десяти, успокоиться, потом достойно, медленно подняться – спектакль исключительно для дежурной медсестры у поста – и уйти. На счет «восемь» Октябрьский появился и, стряхивая крошки с щетинистых рыжих усов, бросил мне:

– Ну ладно, пошли.

Это звучало так: «Любой нормальный человек давно бы понял, что он здесь не нужен, но если ты такая бестолковая, придется тебе объяснить».

«Мы еще посмотрим, кто здесь бестолковый», – сказала я про себя.

Кабинет Октябрьского представлял собой свалку, в которой заботливая рука каждый день вытирает пыль, не смея тронуть ни единой бумажки. Я уселась в кресло у его стола без приглашения. Сергей Данилович рассматривал мой «Ли-

сток по учету кадров», стародавний, советский, в котором я должна была указать свою партийность и признаться, не проживала ли на оккупированных территориях во время войны.

– Юлия Александровна Носова, русская, – хмыкнул он. – А я думал, Моня только своих присылает. Впрочем, диагноз не окончательный. – Это он сказал, разглядывая мое лицо.

Я уже давно никому не объясняю, что блондинка я природная, а не крашенная, каштаново-черные брови и ресницы – игра генов, а не мои ухищрения. Как-то в институте на лекции по генетике преподаватель, втолковывая о доминантных и рецессивных генах, заявил: как у кареглазых родителей не может родиться голубоглазое дитя, так и плод любви жгучего брюнета и блондинки не может иметь часть волосяного покрова темного оттенка, а часть светлого. Аудитория дружно уставилась на меня. Наука оставила мне два варианта – прослыть обманщицей или признать, что я мутант.

Но нас, мутантов, на кривой козе не объедешь и голыми руками не возьмешь.

– Вам, положим, с фамилией тоже не повезло, – сказала я, ухмыляясь прямо в лицо Октябрьскому.

– Почему? – удивился он.

– Детдомом отдает.

Октябрьский издал утробный звук, при некотором напряжении фантазии – одобрительный. Хотя, возможно, то была отрыжка от именинного торта.

– Травмпункт, – читал он, – пять лет. И чего ты там тор-

чала?

Трудовая книжка появилась у меня в четырнадцать лет, когда стала подрабатывать санитаркой, чтобы помочь маме. Но в анкете о долгом производственном стаже я не упомянула.

– Любовь, наверное? – издевался Октябрьский. – Страсти-мордасти?

Я знала подобный тип врачей. Со всеми они на «ты», во время операции матерятся, пациенты их любят и трепещут. Как же! Грубый, самоуверенный, командует моим здоровьем, значит – вылечит. Слабые, больные, выбитые из привычной колеи люди теряют присутствие духа и хотят кому-нибудь довериться, вручить себя под чью-нибудь ответственность. Но я не пациент! А этот нахал даже не нашел нужным извиниться – не перед коллегой, не перед ординатором, но перед женщиной!

– Любовь, – подтвердила я, глядя ему прямо в глаза. – Образовалась группа мужчин, которые специально ломают кости, чтобы оказаться у меня на приеме. Опасаюсь за их здоровье. Переломы стали плохо срастаться. Решила поменять место работы.

– Ехидна! – заключил Октябрьский.

– Простите, – смиренно произнесла я, – сразу видно, что вы-то воспитывались в Пажеском корпусе.

– Ты не очень тут! – Сергей Данилович погрозил мне пальцем. – Мне блатные и смазливые дуры в отделении не нужны!

– Почему вы это прямо не сказали Соломону Моисеевичу?

– Потому что он хирург милостью Божьей, а в людях совершенно не разбирается, осел синайский. Почему ты не за мужем и детей нет? В двадцать восемь лет! – Октябрьский потряс в воздухе моей анкетой. – С такими-то ножками! У тебя же от мужиков отбоя нет. Мне шлюхи здесь не требуются, тут не публичный дом.

– Тогда я вам точно не подхожу, – зло прошипела я и поднялась. – Надо же, как быстро меня раскусили! Сразу видно, что в людях разбираетесь. Иными словами, осел отнюдь не синайский. Ваша прозорливость диарею вызывает. Диарея – это понос, если не знаете. Сейчас мне срочно необходимо воспользоваться вашим туалетом.

Мне наплевать, что обо мне подумает хамоватый мужлан Октябрьский. Ясно – мне здесь не трудиться. И черт с ним. Сейчас главное – быстренько смыться, чтобы последнее слово осталось за мной. Но я не успела.

– Ну-ка, вернись, пигалица. – Голос Октябрьского остановил меня у дверей. – Сядь на место и не дерзи.

Говорил он грубо, презрительно, но усищи свои нервно поглаживал.

– Думаешь, уела меня? Кукиш! – Он действительно показал мне кукиш. Последний раз такое со мной было в детском саду. – Привыкла в травмпункте язык распускать. Ты там клизмы ставила да занозы вытаскивала и хочешь, чтобы

я тебя сейчас с распростертыми объятиями принял? Прямо к операционному столу подвел?

Я дипломатично молчала. Октябрьский это оценил.

– У меня команда, – он немного понизил голос и уже не орал, – команда из отличных ребят. Они же волки молодые! Им течную суку в стаю – и все, пиши пропало, работа на-смарку, интриги, страсти и еще хрен знает что.

Я так прикусила язык, что впоследствии он мог распухнуть – и тогда питаться мне одной манной кашкой! Силилась молчать и молчала, но по лицу моему явно было видно, что я едва сдерживалась.

– Чего ноздри раздуваешь? – Октябрьский откинулся на спинку кресла. – Правильно, молчи в тряпочку, когда начальство говорит.

Он у меня уже начальство! Сейчас я ему отвечу! Нет, заряд злости стремительно испарялся. То ли Октябрьский умирил меня, то ли на языке находятся нервные окончания, тормозящие возбуждение. А может, вернулась способность мыслить логически и я поняла, что Октябрьский меня не выставляет за порог. Последние слова Сергея Даниловича восприняла едва ли не со всхлипом благодарности.

– Выходи на следующей неделе. Или когда там разберешься со своими вывихами-переломами. Но учти! Начнешь с самого низа. Лоб ведущему хирургу салфеткой будешь обтирать. И чтоб без всяких жалоб! А там посмотрим. Иди. Туалет через две двери, опорожни свой кишечник.

Я ни слова не ответила, только склонила в благодарности голову – совсем как Приветик, когда клянчил что-нибудь. Взгляд у меня тоже, наверное, был по-щенячьи радостным.

* * *

По дороге домой я пыталась разобраться в смятенных чувствах. Все-таки обиды на Октябрьского было меньше, чем радости от раскрывшихся перспектив. Предчувствия счастливого будущего превосходили уязвленное самолюбие. Впереди меня ждет новая жизнь!

Впереди меня ждал очередной одинокий вечер. Нет ничего лучше хорошей книги, старого фильма по телевизору, философских раздумий и оздоровительного медитирования – уговаривала я себя. И невольно добавляла: не хватает только пистолета, которым можно застрелиться.

От метро «Красногвардейская» до моего дома пятнадцать минут прогулочным шагом, десять – деловым и семь – трусцой. Если останавливаться у торговых прилавков, можно растянуть время до получаса. Я выяснила стоимость пучка петрушки у шести продавцов и вернулась к первому, хотя цена у всех была одинаковой. Попутно придумывала домашние дела, которые создадут видимость занятости. Позвонить тетушке, рассказать без деталей про визит к Октябрьскому – десять минут, она болтать по телефону не любит.

Позвонить Ирке Бабановой – расписать общение с буду-

щим начальством – полчаса, плюс полчаса на ее новости. Нет, Петя Бабанов не выдержит целый час слушать Иркины «Да ты что?», «А он что?», «А ты что?», кладем сорок минут. Постирать белье, которое в данный момент надето на мне. Кажется, у меня вырабатывается маниакальный комплекс чистоплотности старой девы. Приготовить себе на ужин что-нибудь замысловатое и длительное в производстве. Запеченный картофель.

Беру клубень картофеля, тщательно мою щеткой, вытираю насухо. Оборачиваю фольгой и кладу на решетку в разогретую духовку.

Когда картофель испечется до полуготовности, достаю, делаю разрез, не снимая фольги.

В него кладу порезанную мелко ветчину, дольку помидора, кружочек лука, солю и перчу. Сверху – ложку майонеза и тертый сыр.

Снова ставлю ненадолго в духовку. Объедение! Мне вполне достаточно бутерброда с сыром и стакана чаю. Нет, нельзя распускаться, запеченный картофель – это полчаса возни на кухне.

Почему я не научилась шить, вязать на спицах или выжигать по дереву? Какие полезные занятия! Вязала бы вечерами Толику шарфики и носочки. Сегодня он не позвонит и не придет. Вечером ведет дочь в художественную школу, а сына – на дополнительные занятия по английскому. С другой стороны, общение с Толиком наводило на мысли о ста-

рой пластинке — когда-то песня на ней казалась восхитительной, а теперь раздражала слащавой сентиментальностью. Телевизор смотреть я долго не могу. В какой-то момент у меня возникает ощущение, что если просижу еще десять минут у экрана, то превращусь в дебилку: глаза идиотски округлятся, из приоткрытого рта потекут слюни, родная речь пропадет и останется только способность внимать чужим сентенциям, ничего, впрочем, в них не понимая.

* * *

Я подошла к Т-образному перекрестку Орехового бульвара и Кустанайской улицы.

Пятнадцать лет назад, когда мы переехали в этот район, на перекрестке стоял светофор, он регулировал движение немногих прохожих и редких автомобилей. Светофор давно сломали, а движение многократно увеличилось. Перекресток превратился в аварийный плацдарм: здесь часто сталкивались машины друг с другом и с пешеходами. О том, что некоторые аварии заканчивались печально, говорили похоронные веночки на фонарном столбе.

Я стояла на перекрестке и крутила головой — надо было рассчитать и предугадать движение автомобилей по трем направлениям. Многие водители не находили нужным включать сигналы поворота. На противоположной стороне теми же расчетами занимался мужчина с собакой на поводке. Что-

то в их облике было знакомым. Тот самый ризеншнауцер – узнала я, – едва не растерзавший меня несколько дней назад.

Машины шли сплошным потоком. Хозяин могучего пса присел на корточки, чтобы завязать шнурок на ботинке. В этот момент на перекресток, почти не снижая скорости, выскочил джип. Окна в автомобиле были открыты, из них высовывались пьяные молодые люди.

– Фас! Фас! – закричали они собаке. – Ату! Взять его! – и весело загоготали.

Ризеншнауцер бросился в сторону машины так стремительно, что хозяин, занятый ботинками, не удержал поводок, от рывка потерял равновесие и упал. Собака, волоча поводок, выскочила на дорогу. Джип уже умчался, а пес попал под «Ниву» с рогатой решеткой-бампером.

Когда в кино направо и налево убивают людей, мы спокойно наблюдаем за притворными смертями. Но если на экране страдают животные – лошади, собаки, – сердце обливается кровью, ведь они не играют, а страдают по-настоящему. А уж в реальной жизни визг раненого пса был поистине ужасен. Я онемела от собачьего воя и, окаменев, наблюдала, как бедное животное взлетело и перевернулось в воздухе, потом собака упала на тротуар и еще несколько метров ее несло по инерции.

Мы, хозяин и я, подбежали к собаке одновременно. Пес дышал мелко и часто. Из распоротого брюха по черной шерсти сочилась кровь, стекала на землю, прямо в грязную лу-

жу, в которой оказался пес.

– Рэй, Рэй! – бормотал мужчина. – Кэридо! О, дьос!²

И еще что-то на непонятном языке. Хозяин собаки был в полушоковом состоянии, стоял в луже на коленях, шарил дрожащими руками по голове и спине собаки, произносил иностранные слова и, похоже, собирался плакать. Размеры раны определить было трудно из-за спутавшейся, залитой кровью шерсти. Но собаку нужно было срочно перевязать, хотя бы немного остановить кровотечение.

Я присела рядом с мужчиной, протянула руку к его груди и быстро расстегнула застежку-молнию на куртке. Как ни был он расстроен, но моим действиям поразился, отшатнулся, так что я едва не свалилась на собаку. Успела пощупать ткань рубашки. Годится, хлопок.

– Снимайте рубашку, – велела я. – Быстро! Сейчас мы его перевяжем.

А сама стянула с шеи шарфик.

Я очень люблю красивую дорогую и модную одежду, но в силу скромных материальных возможностей люблю по большей части платонически. Одеваюсь в то, чем торгуют на барахолках у метро, и лишь изредка радую себя приобретенной в дорогом магазине мелочью – перчатками, сумочкой, бельишком.

Шарфик из натурального шелка стоил половину моей зарплаты. Теперь он будет перевязочным материалом для ране-

² Дорогой! О господи! (исп.)

ной собаки и безвозвратно пропадет.

Хозяин Рэя соображал быстро. Он снял рубашку, помог мне прижать ее к ране и прибинтовать моим замечательным шарфиком.

Моросил мелкий дождь, голые спина и грудь мужчины быстро покрылись влагой.

Они почему-то не выглядели болезненно белыми в тусклых сумерках. Очевидно, хорошо загорел летом. Мужчина подрагивал от холода, но не замечал этого.

– Одевайтесь, – сказала я. – Там, где раньше был ремонт квартир, сейчас ветеринарная клиника.

– Что? – не понял он.

– В том же здании, где парикмахерская. Сначала там была прачечная, потом какой-то кооператив, потом ремонт квартир, а сейчас открыли ветеринарную клинику. Представляете, где это?

– Нет. – Он быстро надел куртку на голое тело.

Надо умудриться жить в нашем районе и не знать, где находится единственная парикмахерская.

– Пошли, – сказала я. – Донесете его? Это метров шестьсот.

Рэй тихо заскулил, когда его поднимали, но глаз не открыл, только обнажил верхнюю челюсть и показал замечательно огромные клыки.

Мы шли по мокрым газонам, чтобы сократить путь. Грязь чавкала под ногами – то была лебединая песнь моих старень-

ких полусапожек. Мужчина что-то бормотал своей собаке. Вначале он нес пса на вытянутых руках – не так, как носят ребенка, а так, как несут поднос с посудой, опасаясь за ее сохранность. Потом он прижал собаку к себе, ноги у хозяина Рэя стали заплетаться.

– Сколько весит собака? Двадцать, тридцать килограммов?

– Пятьдесят три, – ответил мужчина на мой вопрос.

Ничего себе! Точно как я.

Синий крест на стеклянной вывеске ветеринарной клиники светился, но дверь была заперта. Никаких признаков жизни. Я давила на звонок и слышала, как он гремит в пустом помещении.

– Их водой сегодня залило, – услышала я голос за спиной и оглянулась.

Мимо проходила молодая мама с коляской, в которой отчаянно колотил ножками ребеночек.

– Еще днем была авария, – продолжила она. – А у вас собачка заболела? Дяденька, вы плачете?

Она обращалась к моему спутнику, который уселся на ступеньки крыльца и уткнулся лицом в собаку. Рыдает он или дрожит от холода?

– Девушка, вы не одолжите на время коляску? – попросила я. – Видите: собака под машину попала. Она полцентнера весит, а я здесь рядом живу. Я врач, хирург, заштопаю ее дома. Ребенка – на руки, собаку – на коляску, и через десять

минут мы вас отпустим! Пожалуйста!

Не отвечая, молодая мамаша отвернулась и резво покатила коляску прочь.

Хозяин Рэя, услышав мои слова, поднял лицо – сухое, без слез, отрешенное и злое в синем неоновом свете ветеринарной вывески.

– Что вы сказали? Вы думаете, его можно спасти?

– Конечно, можно. Рано своего пса хороните. – Я была совершенно не уверена в том, что говорю. – Рана у него не глубокая, внутренности наверняка не задеты. В противном случае кишки бы вывалились на асфальт.

Похоже, я составлю хорошую компанию Октябрьскому или даже посоревнуюсь с ним в цинизме. На самом деле мне хотелось пожалеть собаку, погладить ее мохнатую голову, сказать слова утешения хозяину. Но я достаточно видела мужчин, которые предобморочно зеленеют при виде шприца и стискивают зубы под рентгеновским аппаратом.

– Дьявол! – выругался мужчина. – У меня как будто отнялись ноги.

– Голубчик, либо вы будете жалеть себя, либо свою собаку.

– Рэй в моей жизни настоящей самое существо дорогое. У него была странная манера говорить.

Чтобы его понять, мне пришлось мысленно переставить слова местами: «Рэй в моей настоящей жизни самое дорогое существо».

– Надеюсь, в прошлой жизни вы питали слабость и к людям.

– Вы совершенно правы.

– Я права в том, что нам надо двигаться. Возьмите себя в руки! Вернее – в ноги. Ваша собака меня раздела.

– Что?

Я сняла пальто и постелила его на крыльцо:

– Кладите сюда собаку.

– Одну минуточку, сейчас.

Он устремил взгляд куда-то в пространство, сделал три глубоких вдоха и движение головой, будто выныривал из воды.

– Готов. – Он легко поднял собаку, шепнул ей что-то и уложил на «носилки».

Я никогда не видела, чтобы человек так быстро собирал волю в кулак, концентрировался и преображался. Только что был раздавлен горем, растерян и подавлен, а теперь полностью владел собой. У него и взгляд изменился: вместо затравленного – решительный и острый. Он посмотрел на меня, оценивая, гожусь ли я в лекари «существу дорогому самому».

– Берите за полы, а не за рукава, – приказала я, клацая зубами от холода.

– Что такое полы?

Я взяла его руки и пристроила одну ладонь у ворота моего «прощай, пальто», другую – в конце застежки. Сама точно

так же, симметрично, встала с другой стороны. Перекинула свою сумку че рез голову за спину – как санитарка времен войны – и взялась за носилки:

– Пошли!

Через некоторое время мы приноровились идти в ногу. Я уже не дрожала от холода – пыхтела от тяжести и боялась поскользнуться, упасть.

Было не исключено, что с той же легкостью, с которой хозяин Рэя приходил в себя, он мог впасть и в истерику. Поэтому я посчитала нужным отвлекать его разговорами, пока мы шли к моему дому.

– Сколько лет вашей собаке?

– Полтора года. Если быть предельно точным, то год и семь месяцев.

О чем же его еще спросить? Ладно, будем как с людьми.

– Чем Рэй болел в детстве?

– Он ничем не болел.

– Значит, лекарств никаких не принимал, и вы не знаете, есть ли у него аллергия, например, на антибиотики?

– У собак бывает аллергия?

Я понятия не имела, но ответила с уверенностью:

– Безусловно. Прививки ему делали? Какие именно? Так, хорошо.

Меня интересовала прививка от столбняка. Бывает ли столбняк у животных? Если бывает, то Рэю таковая пригодилась бы – он порядочно извалялся в грязи. Осталось спро-

сильно о хронических недугах родителей собаки. Туберкулез, диабет, сердечная недостаточность, паранойя. Паранойя будет у меня, если я стану лечить не людей, а собак. Пора менять тему.

– Вы разговариваете с Рэем не по-русски, я заметила.

– По-испански.

– Почему?

– Э-э-э... – Он замялся, споткнулся, и собака тихо взвизгнула от боли. – Извини, чико, извини, малыш, все о'кей.

– Скулит, значит, в сознании, – сказала я, – нет болевого шока. Мы уже почти пришли. Только бы лифт работал, я живу на восьмом этаже.

* * *

Лифт, к счастью, работал. Мы вошли в квартиру и протиснулись с ношей на кухню.

– Кладем на пол, – командовала я. – Осторожно!

Я быстро разложила обеденный столик, увеличив его площадь в два раза, накрыла клеенкой.

– Поднимаем, аккуратно, на счет «три». Мы присели, я оказалась у головы собаки. Полуживая, она все-таки наводила страх.

Выкатила на меня карий глаз и булькающе зарычала.

– Меняемся, – я снова встала на ноги, – вы – к голове, я – к хвосту.

– Что?

Он постоянно меня переспрашивал.

– Если вы умственно отсталый, – нервно процедила я, – то постарайтесь на время об этом забыть, внимательно меня слушать и четко выполнять распоряжения. Мы меняемся местами – вы берете собаку под спину у передних ног, я – у задних. Понятно?

– Да. – Он занял исходную позицию.

– Раз, два, три, взяли! Ох и тяжелый!

Рэй застонал совсем по-человечьи. От этого привычного звука мне стало спокойнее, и я пожалела, что окрысилась на хозяина собаки.

– Принесу нужные инструменты и лекарства, а вы снимите повязку с Рэя. Справитесь? – спросила я бодрым голосом.

Когда я снова зашла на кухню, хозяин Рэя заканчивал разбинтовывать собаку. Она не подавала признаков жизни, но стоило мне подойти поближе, как раздалось тихое грозное рычание.

– Так дело не пойдет, малыш, – сказала я, – пожалуй, вкачу-ка тебе успокоительное, не ровен час, отгрызешь мне руку. Подожди, только в наряд хирурга облачусь.

Наряд представлял собой фартук из тонкого пластика, в котором я обычно стирала белье. Я велела мужчине затолкнуть в новый пакет для мусора окровавленные рубашку, шарфик, плащ и куртку, которую он снял.

– Идите в ванну, – распорядилась я, – вот футболка, пе-

реоденьтесь и помойте руки.

Футболку я купила в подарок Анатолию, у него скоро день рождения. Конечно, можно было бы предложить свой старенький халатик, только он не сойдется на груди у этого мужика. А футболочка замечательная, из плотного серого трикотажа, с красивой маленькой коронкой на кармашке.

После укола по телу Рэя пробежала судорога рвотных позывов, и он затих. Прежде всего его надо вымыть – бок собаки представлял собой месиво из крови, грязи и шерсти. Кровь уже почти не сочилась, очевидна хорошая свертываемость. Я налила в тазик воду, плеснула спирт и жидкое средство для мытья посуды, губкой принялась чистить собаку. Площадь ранения была огромной – кривой разрез шел от передней лапы, спускался вниз к животу и снова поднимался почти до хвоста. Очень мешала шерсть, которая лезла в рану.

– Надо состричь, – сказала я и достала из стола двое ножниц.

Вторые я вручила хозяину. Он пришел из ванной чистый и даже причесанный. Первым щелчком лезвий я срезала ярлык на футболке – сам он не решился нарушить магазинную девственность чужой вещи.

– Начинайте от хвоста, – велела я, – примерно на пять сантиметров от края раны; стригите как можно короче, ближе к коже. Мне кажется, нам не мешало бы уже познакомиться, – говорила я, склоняясь над собакой. – Состриженную шерсть складывайте вот сюда, на салфетку. Как вас зовут?

– Серж, то есть Александр.

– Понятно. А меня Катя, то есть Юля. Не волнуйтесь, ему не больно, он спит после укола.

Александр подстригал очень тщательно, но медленно.

– Так мы провозимся до утра, – поторопила я.

Он держался молодцом, но по нахмуренному виду, слегка дрожащим пальцам можно было догадаться, что он предпочел бы свалиться в обморок. Надо отвлечь его разговорами.

– На преддипломной практике, – болтала я, – у нас был забавный пациент на плановую операцию – это значит не срочную, а по очереди, – операцию по поводу варикозного расширения вен на одной ноге. Назначили ему день и велели предварительно побрить ногу – дядька был очень волосатый.

Приходит он ложиться в больницу, а в приемном покое обнаруживают, что у него грипп, и, естественно, отправляют домой. Через две недели он снова является, ногу опять побрил и пришел сдаваться. Но тут на его, извиняюсь, ягодицах рассмотрели фурункул. Операцию снова отложили. Еще через неделю, когда он третий раз пришел, в больнице объявили карантин, плановых больных не принимали. Потом отказывали ему в операции из-за стоматита, из-за просроченных анализов и еще я уж не помню почему. Словом, так он бродил туда-сюда несколько месяцев и, наконец, не выдержал. Врывается как-то в ординаторскую с жуткими проклятиями. Расстегивает брюки рывком, спускает их и начинает трясти своей голой ногой. Я, кричит, полгода ее брею как умали-

шенный, надо мной жена смеется, мне в баню пойти стыдно, на пляже раздеться не могу. А сколько пены для бритья перевел! Мы сначала ничего понять не могли, потому что очистить операционное поле, то есть побрить пациента перед операцией, – дело медсестры. Потом только догадались, что она решила облегчить себе жизнь и велела ему брить ногу. Чем он полгода и занимался.

– Очень забавная история, – сказал Александр совершенно серьезно, даже не улыбнувшись из вежливости. – Кажется, я плохой вам помощник, медленно у меня работается. Правдиво сказать, впервые вижу открытую рану, и мне эмоционально.

О реакции будущих медиков на вспоротые тела я бы тоже могла рассказать немало историй, но Серж-Александр, похоже, с юмором был не в ладах. Как и с русским языком.

Когда я закончила хирургическую промывку и обработку раны, стала ее зашивать, было уже не до разговоров. Столько швов за один присест я еще не накладывала – более пятидесяти. Спина и руки ныли от напряжения. Серж хоть и помогал – вставлял нитку в иголку, стягивал края раны, но действовал, конечно, неловко. Я и не заметила, что называла Александра «Серж», когда отдавала короткие приказания. Но и он забавно величал меня Катей, я не поправляла.

Стратегические запасы медикаментов и хирургического инвентаря в моей квартире не куплены в аптеке, а принесены с работы.

Не украдены, а выпрошены у старшей медсестры. И не для себя, любимой, я старалась.

Уже много лет оказываю первую помощь соседям – детям, засовывающим спицы в розетки; мужьям, бьющим себя молотком по пальцам; женам, обварившимся кипятком. В доме хорошо знают – не обязательно тащиться в травмпункт, его филиал находится у Юли из восьмьдесят пятой квартиры.

На Рэя ушел почти весь запас бинтов. Повязку надо было еще придумать – наложить ее так, чтобы не съезжала, вывести правильно дренажные трубочки. Я понятия не имела, как бинтуют брюхо собак, и решила закрепить повязку петлями в виде восьмерки вокруг передних и задних лап. Получилось неплохо – Рэй походил на белый кокон, из которого торчали черные лапы, короткий купированный хвост и морда.

Я устало опустилась на угловой диванчик и стала рассуждать вслух:

– Он потерял много крови. Хорошо бы сделать переливание. Я чем только ни запаслась, но собачьей кровью, увы, не догадалась. Правда, есть раствор декстрана и система для переливания. Но как подключить ее без штатива? Серж, вы сможете простоять минут двадцать – тридцать на стуле и поддержать бутылочку?

– Конечно, Катя, естественно.

Я не стала говорить, что имею весьма смутные представления о собачьей анатомии, и куда ставить капельницу – не представляю. А каков вообще объем крови у собак? Этот

теоретический пробел восполнить было не сложно – в то время, когда я лечила от старческих недугов Баклажана, Ира Бабанова подарила мне солидный том «Ветеринарии».

Я принесла книгу на кухню и раскрыла ее на схеме системы кровообращения собак.

Несколько минут изучала рисунок, потом искала нужные места на лапе Рэя. Он все еще спал и только изредка горько вздыхал, жалобно, по-людски. Снова пришлось состригать шерсть, чтобы добраться до кожи.

Наконец я подключила систему. Серж стоял на диванчике и держал бутылочку, от которой по трубочке шел раствор.

– Расслабьтесь, – сказала я, – не надо гипнотизировать свою руку. Ничего страшного, если она будет немного дрожать. Можете прислониться к стене, так будет удобнее.

Теперь я могла его как следует разглядеть.

Мы были знакомы уже несколько часов, но случись мне увидеть Сержа через несколько дней, я бы его не узнала, потому что лица-то толком не видела.

Рост средний, кожные покровы чистые, телосложение пропорциональное – в юности наверняка был худощавым, а теперь заматерел, хотя и не оброс жирком. Юность его кончилась лет двадцать назад – в темных, слегка выующихся волосах блестела седина, особенно много ее было на висках.

Ему лет сорок, не меньше. Лицо обыкновенное, то есть глаза, нос, рот – все находится на положенном месте, и ничем не привлекательно. Среднестатистический мужик, ти-

пичный инженер из начальников среднего звена.

Я читала нужную главу в «Ветеринарии», Серж не считал нужным развлекать меня разговорами, он пристально смотрел на свою собаку, то ли боясь не увидеть, когда она очнется, то ли боясь увидеть, что она не очнется совсем.

— Вам надо купить в аптеке антибиотики и делать Рэю уколы, чтобы предупредить заражение, — стала перечислять я. — Название лекарства, дозу и схему я вам напишу. Кормите его теплой, жидкой пищей. Никакого сырого мяса и костей. Можно творог, яйца, кефир. В питье немного ограничить только в первые сутки. Если будет отказываться от еды, не настаивайте. Послезавтра нужно сделать перевязку, убрать дренаж. Повязку слегка поливайте водкой, чтобы не пересыхала, два-три раза в день, прямо поверх бинтов. Швы, я думаю, можно будет снять через неделю. Собаки обычно срывают повязки, грызут бинты. Придумайте что-нибудь — намордник, специальный воротник, через который он не сможет дотянуться до раны. Ветеринар вам подскажет.

По мере того как я говорила, лицо Сержа становилось все растеряннее. Он хотел что-то сказать, но не успел: из угла кухни донеслась автоматная очередь, которая перешла в ровный гул артиллерийского налета. От неожиданности Серж едва не свалился вниз.

Это включился мой холодильник. Мы с ним ровесники, или, возможно, он старше меня года на два. Почтенный возраст холодильника отмечен двумя недугами — припадками

эпилепсии (пританцовывание на месте под громкий гул) и энурезом (периодическое пускание лужи на пол). Участь старичка незавидна, потому как я избиваю его каждый день: дверь холодильника изогнулась веером, не пристает плотно, приходится дополнительно припечатывать ее ногой. Внизу на дверце холодильника множество вмятин – следы моих ударов.

Серж оторвал взгляд от дребезжащего холодильника и посмотрел на меня.

– Я не умею делать уколов, – признался он.

– Не велика наука, я вас научу. Впрочем, лучше, если это сделает ветеринар.

– Катя, я вам благодарен в высокой степени за то, что вы сделали для Рэя. Не думайте, пожалуйста, я нисколько не останусь вам неблагодарен.

В переводе на русский язык это, очевидно, означало: «Я вас отблагодарю». Первое «спасибо» за два с лишним часа возни с его собакой. Да еще произнесено таким тоном, словно я напрашиваюсь на большой гонорар.

Я смотрела на Сержа снизу вверх, и на языке у меня вертелись фразы одна ехиднее другой. Но тут Рэй завозился и тихо застонал, я пощупала его пульс. Наполнение гораздо лучше. Конечно, водицей кровь не заменишь, но мы хотя бы восстановили ее объем.

Наплевать мне на Сержа, не ему я брюхо зашивала. Я хотела спасти пса, и, кажется, это удалось. А если бы под колеса

машины попала собака без хозяина? Что бы я тогда делала?

Наблюдала, как она погибает, тащила бы волоком домой? От этой картины мне стало не по себе. Поэтому дальнейшие просьбы Сержа я слушала спокойно, проглотив ядовитые замечания.

Он хотел, чтобы именно я наблюдала дальше его собаку и делала все необходимые процедуры. Серж, видите ли, мне доверял.

– Во-первых, как я вам уже говорила, я лечу людей, а не животных. Во-вторых, вашу собаку совершенно невозможно оставить здесь. Рэй – злобный, агрессивный пес, он меня просто не подпустит к себе, да я и сама боюсь к нему подойти. Это не милый Приветик размером с кошку.

– Да, я помню вашу собачку со странным именем.

До этого Серж ничем не дал понять, что узнал меня. Собачку он помнит, а девушек, которые тебе на шею бросаются, понятное дело, всех не упомнишь.

– Приветик не моя собака. Впрочем, не важно. Я не могу ухаживать за вашей, придумайте, как доставить ее либо к себе домой, либо в клинику. Все, можете спускаться, я снимаю капельницу.

Рэй открыл глаза и посмотрел на меня туманным взглядом. Я решила погладить его по голове.

– Ну что, малыш, тяжело тебе пришлось? Потерпи, все обойдется, ты же собака, а на собаке все зарастет, как на собаке.

Рэй слегка поднял голову, лизнул мою руку и тут же обессиленно закрыл глаза.

– Вот видите, он вас тоже просит, – тихо сказал Серж. – Вы бы могли прийти к нам завтра утром, сделать укол и потом, по мере необходимости. У меня есть машина, сейчас я подгоню ее и перевезу Рэя.

– Где вы живете? – вырвалось у меня невольно. Вопрос тут же был расценен как согласие.

– Благодарю вас. Вы проявляете большую доброту.

Он назвал номер дома. Все ясно. Так называемая точечная застройка. Втиснули новое здание среди наших старых, закрыли красивый вид из окон и уничтожили славную березовую рощицу. Новый дом обнесли металлической ажурной оградой, на проходной досадили охранника. Окрестные жители испытывали чувство пролетарского презрения к обитателям буржуйского дома и злорадно усмехались, когда на его стенах появлялись нецензурные надписи.

* * *

Ночью ударил морозец. Оставшиеся на деревьях листья вмиг пожухли, зеленая травка на газонах остекленела и напоминала разбросанный по земле салат из морской капусты. Гололедица. Лучший друг врачей-травматологов. В кавычках, конечно.

Я шла к дому Сержа и думала о том, что за лето народ

отвык от движения по оледенелым тротуарам и будет шлепаться за милую душу.

Мысленно я представляла себе картинки и подбирала к ним диагнозы – вот кто-то поскользнулся и приземлился на пятую точку – трещина или перелом копчика; нагруженные сумками тетеньки с переломом голени, кряхтя и охая, потащатся самостоятельно до травмпункта; а бабуль с переломами шейки бедра принесут к нам доброхоты, вместо того чтобы вызвать «скорую»; добрый десяток людей при падении выставит руку вперед – перелом в типичном месте. И все они, несчастные, с глазами, затуманенными болью, будут сидеть в коридоре, ждать очереди на рентген и в гипсовую. Будь моя воля, я бы чиновникам, которые отвечают за чистку улиц, поломала кости во всех типичных и нетипичных местах. Недавно была на конференции «Профилактика травматизма». С таким же успехом ее можно назвать «Профилактика зимы, весны или лета». Люди падали и будут падать – с крыши, с дерева, с велосипеда, со ступенек, забираясь в окна к любимым и удирая от ревнивых мужей. Они будут по неловкости резать ножами руки, ошпариваться кипятком и стрелять пробками шампанского в глаза гостей. Но есть травмы, которых вполне можно избежать, честно расходуя налоги на уборку и освещение улиц или установку светофоров.

Я злилась, потому что мое заявление об уходе пришлось на самое горячее время. Кто теперь будет дежурить вместо

меня? Петя?

Он с похмелья череп от позвоночника на снимке отличить не может, не то что перелом со смещением. Я представила себе, скольких бедолаг он упакует в гипс вместо того, чтобы направить в больницу для фиксации костных отломков. Нет, я не буду думать об этом, иначе вообще никогда не выберусь из травмпункта.

Сержа не было дома, или он спал, не откликаясь на мои звонки в дверь. Очень мило, ведь договаривались ровно в восемь, через полчаса мне нужно быть на работе и еще успеть переговорить с Александром Ивановичем. А вдруг собака сдохла? Что могло произойти? Потеря крови? Реакция на антибиотики? Кровоизлияние в брюшную полость? Рэй, лапушка, неужели ты не выдюжил, малыш?

В разгар моих терзаний подъехал лифт, и из него вышел Серж. В руках он держал пластиковые сумки, лицо у него было нахмуренным, уставшим, с темными кругами вокруг глаз, никакого отчаяния на нем не наблюдалось.

– Простите, – начал он, – я ходил в аптеку и за продуктами, заставил вас ждать.

– Собака жива? – спросила я, тоже не здороваясь.

– Да, ночью скулил несколько раз во сне, тяжело дышал, но в общем без изменений.

– Вы температуру Рэю не меряли? – Я протянула руки и взяла у Сержа сумки, он благодарно кивнул и принялся открывать дверь. – Совсем забыла вам сказать. Надо контро-

лизовать температуру. Тридцать семь с небольшим – нормальная для собаки температура. Если повысится – плохо. Значит, начался воспалительный процесс. Поэтому вы, пожалуйста, обязательно измеряйте. Желательно также избежать запоров, чтобы вообще он не напрягался, не травмировал рубец.

Я говорила и исподтишка рассматривала квартиру. Как и моя, она была однокомнатной, на этом сходство заканчивалось. Комната метров на пятнадцать больше моей, а прихожая представляла собой холл-библиотеку внушительных размеров. Расстановка мебели не походила на привычную для наших жилищ – не было традиционной стенки из шкафов. Ее место занимал низкий, длинный комод с витиеватой резьбой на дверцах и ящиках. По бокам комода стояли большие кадки с деревцами – пальмой, карликовым фикусом и еще каким-то деревом, напоминающим тополек. Платяной шкаф, как я поняла, замаскирован в торцовой стене комнаты.

В эту стену, отделанную пробкой, были также вмонтированы телевизор, музыкальная система, компьютер с выдвижным столиком.

Комод заставлен фотографиями в рамках, фигурками каких-то божков и шербатыми глиняными статуэтками, похоже выкраденными из археологического музея. На фото я разглядела миловидную черноволосую женщину и девочку-подростка. Они снимались в разных местах и в разное время, но

всегда смотрели в объектив, весело улыбаясь.

Фотографии свидетельствовали о женском присутствии, но только в жизни хозяина, а не в его квартире. Хотя и обставленная изысканно и со вкусом, она неуловимо отдавала холодком бобыльего жилья. Очевидно, Серж разошелся с женой.

Собаку он устроил на большом угловом диване, подстелив Рэю отличный шерстяной плед.

– Ну, как ты, разбойник? – Я подошла к псине.

Рэй зарычал тихо, но внушительно, не открывая глаз. Я остановилась.

– Здравствуйте! Я думала, мы с тобой подружились, а ты рычишь. Так не годится, мне же надо тебя посмотреть, води себя хорошо. Если бы ты знал, Рэй, как я тебя боюсь, ты бы не тратил силы, чтобы запугать меня еще сильнее.

Кровь через повязку не сочилась. Бурые пятна на ней уже подсохли. Вечером или завтра утром можно удалить дренажные трубочки.

– Вы купили водку? – спросила я Сержа.

– Да, вот. – Он открыл бутылку и протянул мне.

– Боюсь, Рэй не оценит, что мы поливаем его «Смирновым», – ухмыльнулась я, глядя на этикетку. – Вполне может подойти что-нибудь подешевле. Впрочем, ваше дело. Придержите ему голову на всякий случай, а я смочу повязку. Вот так. Поняли? Делайте то же самое. Испарение увеличивает, заживает быстрее и так далее. А теперь мы сделаем маль-

чику укольчик.

Серж сидел рядом с собакой, гладил ее по голове. От моих последних слов он напрягся и нахмурился, словно ему я собиралась всадить иголку в мягкое место. Рэй на укол никак не отреагировал, даже не вздрогнул.

– Вы замечательно инъектируете, – облегченно вздохнул Серж.

– Что я делаю? Ну и речь у вас. Как будто по нашим улицам не ходите.

– Я хотел сказать, – оправдывался Серж, – что вы прекрасно делаете инъекции.

– Мерси. Можно, конечно, отнести это на счет моего умения, но вообще-то у собак пониженный порог чувствительности. Ему в самом деле не больно. Я загляну к вам, Серж, вечером, сделаю перевязку Рэю.

– Да, да, вот. – Серж засуетился и протянул мне пакет с перевязочными материалами, которые он купил в аптеке.

Бинтов и пластырей хватило бы, чтобы обработать свору раненых собак.

– Не хотите ли выпить чаю или кофе, Катя?

– Я тороплюсь, и меня зовут вовсе не Катя.

– Строго говоря, я тоже не Серж. Мы будем ждать вас.

* * *

Александр Иванович, заведующий нашим травмпунктом,

уже сидел в своем кабинете.

Он был милым стариканом, всех величал исключительно Танечками, Манечками, Юлечками и Петечками. В нашу работу совершенно не вмешивался, чертил графики дежурств вместо старшей медсестры, отвечал на звонки наших родственников и друзей, улаживал дела с вышестоящим начальством. В прошлом году мы отметили восьмидесятилетие Александра Ивановича. Почему многочисленные внуки и правнуки отправляли его на работу, я не знала. Хотя, с другой стороны, она, работа, была ему совершенно не в тягость и большей частью заключалась в двух занятиях – мирной дреме и разгадывании кросс вордов. С их помощью он пытался бороться со старческим слабоумием. Но силы уже были не равны – старый доктор хоть и помнил, как звали коня Дон Кихота, но здоровался со всеми по пять раз на день. Если уж случалась совсем большая запарка и заведующему приходилось идти на прием пациентов (что входило в его должностные обязанности), то толку от него было мало – за смену он принимал трех человек против моих двух десятков.

– Юлечка, детка, – приветствовал он меня, – как хорошо, что ты пришла пораньше. Видишь, какая очередь в коридоре?

– Александр Иванович, я принесла заявление об уходе, то есть о переводе на другую работу.

– Что ты! Что ты! – замахал он руками. – Как же я могу тебя отпустить? Оленька легла на сохранение. Петенька вы-

шел на работу с таким запахом, с таким запахом, я уж велел ему валерьяночкой заглушить. Юленька, он до обеда только протянет, а потом опохмеляться пойдет, ты же знаешь.

– Александр Иванович, вы когда в наш травмпункт пришли?

– Уже лет десять, милочка, здесь тружусь.

– Вот и я об этом! Вы пришли сюда в семьдесят лет. А до этого были классным хирургом. Я помню, что говорили ваши ученики на юбилее.

Обо мне подумайте! Неужели до седых волос я буду здесь прозябать и ничему толком не научусь?

– Юлечка, я все понимаю. Но ведь тебя своей преемницей видел, – канючил Александр Иванович.

Может быть, даже наверняка, он полвека назад был отличным хирургом, войну прошел, отделение потом возглавлял, но сейчас Александр Иванович, если его выдергивали из привычной дремы, заботился только о том, как бы побыстрее в дрему вернуться. А дело пусть идет как-нибудь само собой. Проблемы с несварением желудка его волновали гораздо больше, чем моя судьба.

– Не отпустите по-хорошему, – пригрозила я, – напишу заявление на все накопившиеся отгулы. А потом все равно уйду.

– Юлечка, напоследок подежуришь во вторник, в пятницу и субботу?

– Ладно, – согласилась я, – но заявление вы подписываете

прямо сейчас.

Александр Иванович мыслил короткими временными дистанциями: решил проблему с дежурствами на эту неделю – и отлично, до следующей еще надо дожить. Через неделю я могу изменить решение, или он что-нибудь придумает, привлечет старший и младший медперсонал, они взовут к моей совести. Но я стояла твердо: подписываете заявление сейчас – или завтра меня уже не увидите. Как и Александр Иванович, я знала, что моей твердости может надолго не хватить. Кряхтя, вздыхая и стеная, начальник подписал заявление.

* * *

Тяжесть наложенной на меня за дезертирство епитимьи мог оценить только наш брат травматолог – все дополнительные дежурства были ночными. Каждый третий пациент в это время суток пребывает в состоянии алкогольного опьянения. Бытует мнение, что бог пьяных опекает. Ничего подобного! Он от них решительно отворачивается, и пьяные сплошь и рядом оказываются под колесами автомобилей, ломают конечности, разбивают черепа и тонут в лужах. Плюс драки и поножовщина. Даже самый тихий алкоголик, добравшись с раной до травмпункта, может превратиться в злобного дебошира. Одурманенное сознание подстегивается видом крови, страхом, болью – и мы получаем неуправляемое агрессивное существо.

Не могу осуждать медиков, которые отказывают во врачебной помощи пьяницам (проспись, потом будем лечить), даже завидую им. Мы себе такой роскоши позволить не можем. Хочешь не хочешь, слушай пьяную брань (несколько раз я пластырем рты заклеивала матерщинникам), вдыхай перегар и врачуй раны. Особо буйных мы принимаем втроем – я, медсестра и охранник Ваня. Он грозит пациенту резиновой дубинкой, или скручивает его в бараний рог, или запугивает:

– Будешь рыпаться – без наркоза останешься! На живую заштопают!

Ваня понимает разницу между наркозом (которого у нас не может быть) и анестезией (которую мы применяем), но слово «наркоз», с его точки зрения, звучит убедительнее. Кажется, он даже приторговывает «наркозом» – приводит кого-нибудь без очереди и бросает многозначительно:

– Юль Александровна, это от меня, с наркозом!

Я послушно киваю, хотя в действиях своих ни в чем не отступлю от необходимого.

Без Вани нам не справиться.

Последнее дежурство, заключительный аккорд моего травматологического бытия, прозвучал особенно мощно. К моему носу даже пистолет приставили.

Молодой человек (изрядно навеселе) с вывихом кисти ой-кал и плакал, как ребенок.

С первой попытки вправить сустав мне не удалось – паци-

ент дернулся от боли. В том моей вины не было – обезболивающее плохо действует на пьяных.

– Держи его, Ваня, – попросила я. Охранник смело шагнул вперед.

– Голубчик, потерпите, это быстро, – успокаивала я плачущего парня.

– Нет! – вдруг истошно завопил он и выхватил здоровой рукой пистолет. – Всех перестреляю! Гады!

Я растеряннo уставилась на дуло, нацеленное мне в нос, – неужели настоящий пистолет?

Ваня сразу понял, что оружие настоящее, и поднял руки:

– Спокойно! Мы сдаемся! Молоденькая медсестра Наташа попятилась спиной к двери, распахнула ее и вывалилась в коридор.

На наше счастье, в этот момент в травмпункт прибыл наряд милиции освидетельствовать задержанного преступника. Забирая пистолет у парня, они чуть не вывихнули ему вторую кисть. Задержанный, которого они привезли с собой, воспользовавшись суматохой, попытался скрыться.

Милиционеры догнали его на улице и в сердцах подсветили глаз кулаком. А я в нарушение врачебных принципов написала в освидетельствовании: «Видимых повреждений не наблюдается», словно багровая гематома была невидима. Но кисть первому преступнику все-таки вправила, гипсовую повязку наложила. Милиция увезла обоих.

Приняв несколько спокойных больных, мы расслабились

– мол, два снаряда в одну воронку не попадают, сегодняшнюю порцию нервотрепки мы уже получили. И жестоко ошиблись.

* * *

Компания из трех каменщиков отмечала получку на рабочем месте – на стройке. Выпили, закусили. Закуска кончилась, водка осталась. Не бегать же за одной закуской, купили еще водки. Закуска осталась, водка кончилась – не пропадать же добру. Сколько бы еще продолжалось маятниковое движение – неизвестно, но тут «плита на палец Вовке съехала».

Войдя ко мне в кабинет, строители в два голоса (пострадавший очумело молчал) твердили свою историю «водка кончилась, закуска кончилась...», словно она имела какое-то отношение к диагнозу. Плиту, которая «на палец Вовке съехала», они сумели поднять и теперь совали мне газетный сверток:

– Мы все собрали! Приходите, девушка, Вовке палец.

Я развернула сверток – строительный мусор вперемишку с месивом, которое час назад было большим пальцем Вовкиной правой ноги, – и швырнула его в ведро:

– Тут нечего пришивать.

Велела охраннику выставить собутыльников за дверь, Наташе – снять самодельную повязку из носовых платков, а са-

ма села заполнять медицинскую карточку.

Оглянулась на крик.

– Ты что делаешь? Сука! – вопил пациент на сестру. – Мне больно!

Я вскочила, бросилась к ним, но не успела. Вовка, раздосадованный тем, что палец ему пришивать не будут, и до сих пор не чувствовавший боли, как только Наташа прикоснулась к его ране, живо отреагировал: согнул в колене здоровую ногу и резко выпрямил, заехав Наташе в лицо. Она пролетела полкомнаты, врезалась в открытый стеклянный шкаф с медикаментами. На бедную девушку посыпались пузырьки и баночки.

– Уйду-у-у! – протяжно плакала медсестра. – Разве это медицина? Я, когда училась, думала... А тут хуже сумасшедшего дома... Ой, глаз больно!

– Вы что себе позволяете! – кричала я на больного и звала в сторону двери: – Ваня, скорее сюда!

Охранник бросил оборону в коридоре, прибежал к нам, сунул Вовке под нос дубинку:

– Покалечу! Последние пальцы отобью, сволочь! Потом залечим. Без наркоза! Только пошевелись!

– Сериал американский, – Наташа размазывала по лицу слезы, – «Скорая помощь», я смотрела, мечтала так же, а тут... Уйду-у-у!

– Я тоже уволюсь, – заявил Ваня. – В ночной клуб вышибалой зовут. Работа – один к одному, а платят в три раза

больше.

О том, что у меня подписано заявление об уходе, я дипломатично молчала. Сделала примочку Наташе – с фингалом под глазом она удивительно походила на давешнего преступника. Сама обработала рану Вовке, сестричка наотрез отказалась подходить к дебоширу. Словом, кое-как довела дежурство до конца.

Я покидала травмпункт и чувствовала себя солдатом, который, отвоевав в окопах на передовой, устроился на чистое хлебное место при штабе.

Поскольку в дальнейшем повествовании (и в профессиональной жизни) я не собираюсь возвращаться на первое место службы, то, забегая вперед, расскажу, как обстоят дела в травмпункте. Наташа вышла замуж за Вовку. Да, да – роман закрутился, все отделение с азартом наблюдало. На перевязки Вовка приковыливал с букетами цветов, первые из которых летели в окно, следующие – в корзину, а через десять дней оказались в вазе на столе. Движимый раскаянием, Вовка стащил со стройки материалы, пригнал дружков, и они сделали ремонт в запущенных до безобразия помещениях травмпункта. Тут уж все сотрудники встали на его сторону и поднажали на девушку: новый линолеум, выкрашенные двери, чистые стены – что это, если не любовь?

Александра Ивановича уволили, когда он окончательно перестал выходить из дремы на рабочем месте, в том числе и в туалет.

Петя Карачинцев бросил пить, стал заведующим и увлекся наглядной агитацией. Развесил по стенам коридоров стенды «Методы фиксации костных отломков» и «Рваные раны мирного времени» – сидевших в очереди больных прошибал холодный пот от этих фото и рисунков. Ваня не уволился, и на учениях в фирме, специализирующейся на охране медицинских учреждений, делился опытом, как распознать степень агрессивности пьяных пациентов.

– Юль Александровна, – хвастался он, когда я пришла навестить бывших коллег, – думаю брошюру на эту тему написать, учебное пособие.

Я совершенно искренне ответила, что, будь моя воля, я бы такую брошюру многотысячным тиражом издала.

* * *

В течение недели, утром и вечером, я приходила к Сержу. Делала Рэю уколы антибиотиков и перевязки. После трех тяжелых суток пес начал поправляться. В глазах, наполовину скрытых мохнатой челкой, появился осмысленный блеск. Причиной своих бед Рэй считал тугую повязку, спеленавшую его туловище, и упорно стремился содрать ее. Мешал жесткий картонный воротник – вроде того, что в костюме Пьеро.

Серж надел этот воротник, как только Рэй сумел дотянуться до бинтов.

Мое появление Рэй по-прежнему встречал рычанием, но Серж уверял, что пес относится ко мне замечательно, и в качестве доказательства показывал на хвост-обрубок.

Черный бугорок действительно подрагивал, что можно было принять за дружелюбное виляние хвостом. Рычание, по словам Сержа, скорее привычка, чем демонстрация угрозы. Хотелось так думать. Нет, в самом деле хотелось, говорю без всякой иронии.

У меня не правильное, непрофессиональное отношение к больным – в нем слишком много материнского: видно, нереализованные комплексы дают себя знать. Я, конечно, скрываю свои теплые чувства, но они простираются даже на лохматых и клыкастых пациентов.

Усыпить пса, в смысле – дать снотворное, нам пришлось только один раз, когда снимали швы. Процедура была длительной, тонкой, и я опасалась, что пациент откусит мне пальцы. Теперь Рэй мог зализывать раны сколько угодно. Его освободили от ненавистного картонного воротника и бинтов.

Серж рассказал, что такой же воротник Рэй щенком носил после купирования ушей.

Оказывается, от природы у ризеншнауцеров большие, лопухами, уши. Но по законам собачьего экстерьера они должны быть маленькими и треугольными и жестко стоять над головой. Поэтому собакам уши отрезают, надевают воротник, чтобы щенок не мог дотянуться до повязки. Далее изуро-

дованные уши приклеивают пластырем к специальным пластинкам, добиваясь стоячести.

— У Рэя было веселое детство, — заметила я. — Сначала хвоста лишили, потом уши оттяпали.

Серж согласно кивнул:

— Жалею, что послушался инструкторов и ветеринаров в клубе. Подозреваю, что они просто хотели заработать деньги на операции. Я слишком поздно узнал, что международные стандарты уже изменены. Общества защиты животных добились, чтобы собак не уродовали. Да и в выставках мы не собирались участвовать. Но, понимаете, когда у тебя есть дорогое существо, послушаться специалистов боязненно. Между прочим, с тех пор я с большим недоверием отношусь к ветеринарам и рад, что мою собаку лечил людный врач. Простите, я не так сказал, но вы поняли: врач людей.

Я почти привыкла к манере Сержа коверкать родной язык. Не стала добавлять горечи и говорить, что на ушных раковинах находится много биологически активных точек, недаром рефлексотерапевты любят загонять иголки именно в уши.

Рэй пытался становиться на ноги, и у него получалось, если приваливался здоровым боком к стене. Но сделать шаг не мог: обе раненные ноги подворачивались, и собака падала. Она скулила от боли и злости, снова пыталась встать, Серж помогал, но как только отходил, Рэй падал. Начинал лихорадочно лизать розовый рубец на боку, покусывать ноги — очевидно, они онемели.

Когда Рэй, глядя на меня и Сержа, щенячьим фальцетом, так не вязавшимся с его внушительной фигурой, требовательно и жалобно таявал, – сделайте же что-нибудь! – у меня переворачивалось сердце и сжималось горло. В собачьем лае было столько несокрушимой веры в могущество человека, обиды на то, что мы это могущество не хотим использовать, и просто слезного вопля – помогите!

Будь на месте Рэя человек, я бы дала ему костыли и научила на них ходить. Обезножившему фатально предложила бы инвалидную коляску. Но что я могла сделать для собаки? Как-то ночью, когда я раздумывала о судьбе четырехногого пациента, мне пришла в голову мысль сделать для него помочи.

На следующий день я объяснила Сержу идею: пропускаем за передними и перед задними лапами собаки большие полотенца, становимся по бокам, концы полотенец берем в руки и слегка приподнимаем Рэя, уменьшая таким образом нагрузку на ноги.

Вначале собаке решительно не понравились наши действия. Рэй недовольно лаял на Сержа, а повернув голову ко мне, рычал и скалился. Но мы стояли на своем:

– Вперед! Шагай! Рэй, двигайся! Иди! Сорок минут мучений – и собака зацокала кончиками когтей по паркету, верно переставляя ноги. Но как только мы убрали подпруги, рухнула на пол. И снова бередящее душу таяканье: я хочу ходить, бегать, сделайте же что-нибудь!

Два следующих дня мы учили собаку ходить на доморощенном тренажере, но эффект был тот же – самостоятельно пес не передвигался. Дальнейшее мое участие в судьбе Рэя смысла не имело – я ничего не могла для него сделать. Присела рядом, погладила мохнатую голову:

– Держись, чемпион!

Легко сказать – держись. Кому он нужен, беспомощный инвалид? За человеком, прикованным к постели, ухаживать ой как нелегко, а тут – собака молодая. Взять его к себе? И десять лет за ним подстилки выносить? Хорошенькая перспектива. А слоняться вечерами по квартире, изнывать от скуки и крахмалить белье до бумажного хруста – привлекательнее?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.